

страданія заставляли княжну Марью желать конца, и какъ ни страшно было для нея это желаніе, — оно было въ ней. Она желала смерти отца какъ для прекращенія его страданій (сознаніе желательности подобнаго конца наполняло ее ужасомъ), такъ и для себя, для своей личной жизни, которая являлась возможной со смертью стараго князя.

Подобная мысль никогда раньше не приходила ей въ голову. Она чувствовала, что житейская забота захватила ее. Возможность счастья и любви, казавшаяся ей навожденіемъ діавола, безпрестанно являлась въ ея воображеніи, но она съ отвращеніемъ отгоняла эти мысли и боялась взглянуть на отца, который, какъ она думала, прочтетъ ея преступныя желанія.

Передъ смертью старый князь просить у нея прощенія и говорить, что онъ все время думалъ о ней и ея судьбѣ.

«А я желала его смерти!» — съ ужасомъ думаетъ княгиня Марья. — «Я хотѣла успокоиться, но на что мое спокойствіе, когда его не будетъ».

Послѣ смерти отца сознаніе своей мерзости душевной, которой раньше она и не подозрѣвала въ себѣ, долго мучить княжну Марью.

Желая почтить память покойнаго отца, княжна отдаетъ хлѣбъ крестьянамъ, когда ей докладываютъ, что они голодаютъ. Крестьяне не понимаютъ ея великодушнаго побужденія, отъ хлѣба отказываются и не выпускаютъ ея изъ имѣнія, заподозрѣвъ, что хлѣбомъ она хочетъ купить ихъ, чтобы они защищали ея имѣніе.

Положеніе ея было не изъ завидныхъ. Французы ожидали съ минуты на минуту, и трудно предуга-